

В АМ ЗАХОТЕЛОСЬ попить чайку? Выпросите у соседки клетку с ее любимым полуголем и отправьтесь на Бродвей в театр.

Надо ловить момент. Дело в том, что на дневном представлении одной пьесы администрация театра сервирует для зрителей бесплатный чай. Этакая разминка перед пиццей дуговой!

В том же театре был объявлен конкурс на замещение роли Тутса — говорящего попугая. Теперь у любителей пернатых появился шанс выпустить под свет рампы и свою собственную птичку. А заодно поинтересоваться: «А что, кстати, в этом театре идет?»

Действительно, что идет сегодня на Бродвее?

И куда движется американский театр?

Ящик для «гвоздей»

К ответам на эти вопросы не так-то легко пробиться сквозь названные трюки с даровыми чаепитиями и «одаренными» попугаями. Почему-то молчит на этот счет профессиональная критика. Придется взять взаимно модный сейчас драматургический прием: вообразить себя частным детективом и самому отправиться расследовать тему.

Начнем с прогулки по Бродвее.

«Великий белый путь»... Так окрестили туристические справочники эту нью-йоркскую магистраль. Она перечерчивает остров Манхэттен по диагонали, разрывая сеть его авеню и улиц. Шагаю под вечер по самому бойкому отрезку — от памятника Колумбу, вниз, к площади Таймс-сквер.

Кто сказал, что Бродвей развлекает? Он шумит, шумит, воем полицейскими сиренами, душит пешехода выхлопными газами. И торгует, торгует, торгует. Бизнес выплеснулся прямо на асфальт. На расстеленных ковриках — груды галстуков, игрушки, пластмассовая всячина.

С 50-й улицы и ниже Бродвей наконец вспоминает о своей славе великого развлекателя. В гул автомобильных моторов врываются ритмы рока. Сумасшедшие мелькают неоновые рекламы, зыщавали хащуют за рукав. Зовут, ясное дело, не на Шекспира. Театральная муза изгнана с Бродвея в сторону — на сороковые улицы. Залы на самом «великом белом пути» захвачены киноделами, делающими быстрые потные доллары. Репертуар однозначен: «Взбесившаяся плоть», «Эротические похождения монашенки» и т. д.

На Таймс-сквер у памятника какому-то армейскому капеллану на маленьком пятачке закрутилась в несколько витков очередь. Люди часами стоят к небольшому киоску, знаменитому на весь город. Сюда бродвейские театры сбрасывают к вечеру непроданные билеты, и тут, если повезет, можно приобрести к искусству за полцены.

А за полную цену? Как говорят американцы, «бумажник не вытерпит». Все в Америке — театр не исключение — безумно вздорожало. Билет на бродвейскую постановку стоит не меньше 45—50 долларов. Да еще со штатпом «Обзор цен» ограничен».

На Бродвее посмотреть пьесу дорого, но поставить — еще дороже. Продюсеры сваливают на зрителя подскокившие до небес расходы. Поднятый Голливудом, запуганный телевидением, театральный Бродвей превратился в своего рода ипподром, где финансисты от искусства устраивают скачки премьер. Финишная лента — это попадание новой постановки на обложку журналов «Тайм» или «Ньюсвик», это премия «Тони», разнозначная кинематографическому «Оскару». Короче, все, что создает премьеру репутацию «гвоздя».

Ящик для «гвоздей» — вот что такое Бродвей сегодня.

Впрочем, послушаем Джозефа Паппа. Крупнейший театральный продюсер и режиссер беседует со мной в конторе, основанной им постановочной

фирмы «Нью-Йоркский шекспировский фестиваль». Фирма уникальная, потому что некоммерческая. За тридцать лет ее существования Папп бесплатно показывал Нью-Йорку почти всего Шекспира на сцене летнего театра, построенного в Централ-парке.

Откуда же деньги? Немного помогают городские власти, чуть больше — богатые покровители. Однако основной капитал ссудил все тот же прохлятый и милый его сердцу Бродвей. Там уже девять лет гремит, не сходит со сцены поставленный Паппом мюзикл «Кордебалет».

— Я читал где-то, что вы взяли было за другой мюзикл, «Человеческую комедию», — говорю я, — Как с ним дела?

— Неважно. Потеряли на постановке миллион. Если бы я ставил «Комедию» на Бродвее, она бы обошлась в пять, а то и шесть миллионов долларов. Иные мюзиклы влетают в восемь! Безумная дорогизна! Театр — это, знаете, ручная работа. Мы не Голливуд. Не можем тиснуть тысячи копий и разослать по стране.

— А сколько стоит на Бродвее социальная пьеса?

— У Паппа изумленно лезут вверх брови: — Не только социальная, просто любая серьезная пьеса выжить там нынче не может. Без хитрости, без какого-то трюка это абсолютно исключено.

Из-за ориентации Бродвея на развлекательное, высокодоходное зрелище за последние 25—30 лет совсем исчезли зрители, которые могли бы воспринимать серьезный театр, считает мой собеседник. Сама традиция посещения театров изменилась. Он стал местом, куда люди отправляются отпраздновать юбилей или день рождения.

Джозеф Папп не одинок на панихиде по Бродвее. Исследователь американского театра Уильям Макдугал недавно заметил: «Критики утверждают, что «Великий белый путь», по существу, расстался со своей ролью отца американской драмы и теперь мало что предлагает, кроме мюзиклов и импорта пьес из Британии».

Восемь вечера. Длиннющие, будто склеенные из двух-трех автомашин «кадиллаки» с темными стеклами мягко шаркают у театральных подъездов. Дамы в норках шествуют прямо в зрительный зал — гардеробов часто нет вообще. В фойе бармен бойко торгует крепким спиртным и картонными ведерочками с воздушной кукурузой. Храм американской Мельпомены принимает своих состоятельных гостей.

Зайдем вслед за ними и мы.

Герои — ватты и вольты

О, американский мюзикл! С чем только не сравнивали тебя: с игристым шампанским в хорошо охлажденном бокале! С таинственным тортом, увенчанным башенкой из взбитых сливок! Бесплатно одно: в своих лучших образцах это типично национальный жанр. В нем отбывает четкую жизнерадостная душа американца. Записывается трелями его талант веселиться, даже если кругом все провагивается в тартарары. Да, американские постановщики — мастера ставить мюзиклы!

Но что это? Какой музыкальный спектакль объявлен лучшим в этом сезоне? Кому присудили семь премий «Тони», «Премии критиков» да еще награду фирм звукозаписи «Грамми» за лучший диск с записью бродвейского шоу? Английскому мюзиклу «Кошки» композитора Эндрю Ллойда Уэббера, который прославился в свое время рок-оперой «Иисус Христос — суперзвезда».

О «Кошках» трудно что-либо сказать, кроме того, что мюзикл — про кошек. 36 актеров, одетых в шкуры разной масти, высказывают из подло-

ла, свисают с потолка и вообще валяют дурака под не очень удачную музыку. Зато хорошо обстоит дело с освещением: лучи прожекторов, блик-подсветка создают ошеломляющую цветовую вакханалию.

«Кошки» — прекрасный пример того, куда идет музыкальный Бродвей. От сюжета остается шокирующий гротеск. От актера — карнавальная маска. А от пения и танцев — эротическая акробатика. Главной героиней сегодняшнего мюзикла — это магия технических сценических эффектов,

жественных начал музыкального театра. Для тех, кто ставит, пишет и играет, — это оскорбление...

Какие только заговоры не плетутся на Бродвее во имя доллара! Скажем, для мюзикла всегда важно получить премию «Тони», которая подталкивает к премьере спектакля «Десять» должна была состояться 9 мая — в последний день, когда он мог претендовать на награду. Конкурирующая фирма «Шубертс оргнайзинг» (владеет 16 бродвейскими театрами) опасалась, что «Десять» пере-

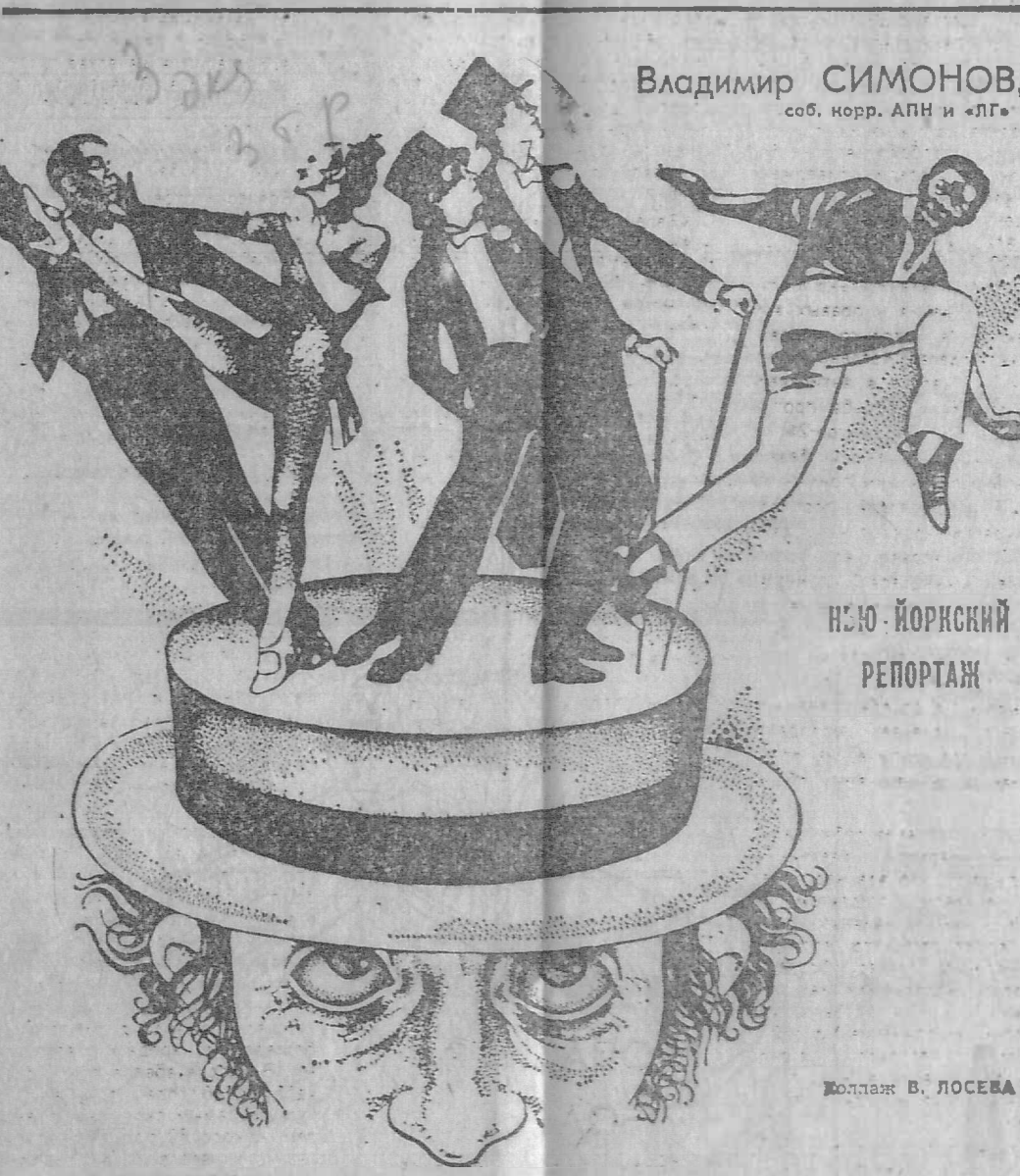
Сейчас в ней 24 спектакля. Около половины — мюзиклы, остальное — так называемые серьезные драмы.

Неужели еще жив на Бродвее социальный театр?!

Не надо спешить с заключениями. Послушаем Фрэнка Рича, одного из адумчивых наблюдателей бродвейского пейзажа.

— Большинство из того, что громко сказано приветствуют в Нью-Йорке как серьезный зритель, а потом разносят по провинции гастролирующие труппы, — говорит критик, — на самом деле совсем несерьезно.

«ВЕЛИКИЙ БЕЛЫЙ ПУТЬ»

Владимир СИМОНОВ, соб. корр. АПН и «ЛГ»

НЬЮ-ЙОРКСКИЙ РЕПОРТАЖ

Коллаж В. ЛОСЕВА

ФАСАД И ИЗНАНКА

украденная у рок-концертов. Бродвейские шоу ставят не хореографы, а инженеры, конструирующие, как стрелять цветными лазерами и наводить сцену голографическими миражами. Творческий накал на Бродвее порой измеряют в ваттах и вольты.

От бродвейского мюзикла, конечно, не ждут ничего серьезного. Но ему, этому исконно американскому жанру, грозит реальная опасность. Вот мнение Гарольда Принса, крупнейшего режиссера, лауреата пятнадцати премий «Тони», постановщика таких знаменитых мюзикальных спектаклей, как «Скрипач на крыше» и «Звизг».

— Сейчас, когда мюзикл обходится в том, четыре и пять миллионов, основная часть денег поступает от корпораций и людей, которые больше заинтересованы в доходах на вложенный капитал, чем в худо-

хватит премию у ее спектакля «Девушки с мечтой».

Что делать? Один из авторов «Десяти» рассказал мне: «Шубертс оргнайзинг» предложила взятку в миллион долларов, только бы отсидеть премьеру на день позже. Не вышло. Тогда подготовили Нью-Йоркскую корпорацию электрических приборов, чтобы та отклонила дорогостоящие иллюстрации, в которых в «Десяти» держались все световые эффекты.

Вот так рубльником — раз! — и не быть премьеры. Сиди во тьме и рассуждай о творческой свободе на американской сцене.

«Есть только жадность...»

Каждое воскресенье «Нью-Йорк санди таймс» публикует театральную афишу Бродвея.

Критерием «серьезности» здесь выступает то, что более всего привычно для американского обывателя, — телевизионная драма. Опять-таки слово «драма» нужно взять в кавычки. Какой-нибудь глубокий конфликт телевидение не позволяет себе показать. Зрителя держат в шорах. Ему не дают опуститься, его нужно оплакивать, а кем восхищаться.

Аналогичны вкусы и на Бродвее. Автор пьесы «Затемненная палата» Майкл Кристофер «мощно» доказывает глубочайшую истину: кого разбил паралич, тот достоин всяческого сочувствия окружающих. Они и сочувствуют. Сочувствует и зритель, радуясь собственной добродетели.

Дэвид Меймит, самый, как считают, який талант в молодом поколении американских драматургов, сказал о кучей морали подобных пьес:

— Или милые вещи случаются там с милыми людьми, или очень дурные вещи — телесные повреждения, болезни — случаются опять-таки с милыми людьми. В любом случае зритель кормят монологами о неизбежном. На Бродвее это выдается за драму...

Но заглянем часа на три в театр «Плимут», где с аншлагом, под барабанный грохот хвалебных рецензий идет «Настоящая вещь» Тома Стоппарда. Еще бы — премия «Тони» за лучшую пьесу сезона! Драматург, правда, — англичанин, исполнитель главной роли — англичанин, но куда скроешься на Бродвее от импорта?

После «Затемненной палаты» сюжет «Настоящей вещи» приятно поражает своей сложностью. Даже, я бы сказал, головоломной закрученностью. В первой картине героиня Шарлотта является домой, а муж Макс тут как тут с уликами ее супружеской неверности. Во второй картине Шарлотта предстает уже прямо с любовником, иллюстрируя эти обвинения. Логично? Ан нет, это, оказывается, не любовник, а ее настоящий муж Генри, драматург. Первая сценка была отрывком из пьесы Генри, в которой играют Шарлотта и Макс.

Акт второй. Тоже нельзя ослаблять внимание. Кто, выясняется, грешен в измене, так это, наоборот, сам Генри, не устоявший перед прелестями жены Макса — Энн. А вот и еще сюжетный поворот. Энн бросает Макса и выходит за Генри. Но только для того, чтобы изменить ему с Билли, молодым актером из другого спектакля. Все просто, как яблоко.

Зрителью непонятна лишь самая малость: в чем же Стоппард усмотрел ту самую «настоящую вещь», торжественно вынесенную в заголовок? Смысл пьесы тонет в словесной эквилибристике, а сюжет — в хаосе эротических приключений.

— «Настоящая вещь»? — иронически переспросил меня Джозеф Папп. — Скажем лучше, живая пьеса. Автор притворяется, будто озабочен свободой отношений мужчины и женщины. На самом деле Стоппард — словесный трюкач. Описывает самого себя, а все другие образы пьесы — манекены из солбмы...

— Почему же публика валом валит? Почему так льстит критика?

— По-моему, много надо отнестись за счет блистательной постановки режиссера Майкла Николса. Сказалось и то, что пьеса получила «Тони» как «гвоздь сезона». Кому не любопытно посмотреть «лучшую драму года»? Магия Бродвея пока еще завораживает. И, наконец, не забудьте о Джереми Айронсе...

В последнем замечании Паппа, пожалуй, наибольшая доля истины. Звезда молодого английского актера Айронса стоит сейчас в зените международной славы. После успеха телевизионного сериала Би-би-си «Возвращения в Брайсхэд», и особенно фильма «Женщина французского лейтенанта», о котором много говорят и пишут. На его популярность Бродвее и удалось сделать «лучшую постановку сезона».

По-настоящему же талантливого, тем более политическую драматургию Бродвей не переваривает. Сверхнула, как мейтеор, и вдруг сошла, несмотря на зрительский ажиотаж, острая сатира Артура Копита «Конец света с последующим симпозиумом». Пьесу прикрыли быстро. Угроза падения человечества в ядерный котел, ответственность художника в современном мире — от такого содержания — встали на дыбы, обнаруживали себя могучие темные силы, которые здесь, в Америке, управляют «свободой творчества».

Что там выключить электричество для какого-то мюзикла! Пьесу Копита словно ураган со сцены сорвал.

С новой работой Дэвида Меймита этого, слава богу, не случилось, хотя, говорят, и могло бы.

Пьеса названа поначалу малопонятным словосочетанием «Гленгэрри Глен Росс». Так одна контора по продаже недвижимости окрестила земель-

ные участки во Флориде, которые она распродает под строительство домов. Гленгэрри... В этом есть что-то шотландское! Веет свежестью девственных озер, нескошенных лугов.

На самом деле Гленгэрри — это засушливые пустыри! Облегчить покупателя-разиню, всучить ему заведомо негодное, всадить дружку нож в спину, если у него в кармане хотя бы доллар, — по таким законам живут герои Мэмета. Пьеса сродни «Смерти коммивояжера» Артура Миллера. Мир бизнеса предстает джунглями, где выживает тот, у кого клыки острее.

Не погибни миллеровский Вилли Ломен, он, а не торгош Ричарда Рома, мог бы бормотать в замызганном китайском ресторанчике следующий монолог: «Вот я и спрашиваю, что есть наша жизнь? Чего мы боимся? Потерь. Чего еще? Банк закроется. Заболеет, же-на погибнет в авиационной катастрофе, рынок акций обанкротится... Дом сгорит... Что-нибудь этакое происходит? Ничего подобного. А тревоги все равно нас не покидают. Что это значит? У меня нет спокойствия, безопасности. Как я могу обезопасить себя? Накоплением денег сверх всякой меры? Нет... Никакой меры нет. Есть только жадность...»

«Гленгэрри Глен Росс» — это, на мой взгляд, самая честная, социально емкая драматургия, какую только можно найти сейчас на Бродвее. Конечно, пьеса не без недостатков. Как и в прежней работе Мэмета «Американский бизон», в ней душно от трехъярусной матерщины.

Пьеса Меймита пробила на Бродвее с трудом, окольной дорогой. Ее поставили сначала в Лондоне, потом в Чикаго. И только после этого группа продюсеров и режиссер Грегори Мошер рискнули вложить 600 тысяч долларов в ее бродвейскую постановку. Спектакль идет с марта, а театру еще осталось вернуть тысячу семейств. И то финансовая удача! Ее могло не быть, не получи Дэвид Меймит за «Гленгэрри» Пулитцеровскую премию.

Деньги, деньги, деньги... Не искусство театра, а зеленые долларовые бумажки вырацивает Бродвей в теплицах своих залов.

Я раскрываю свежую газету. «Самый счастливый сезон в истории Бродвея!» — кричит восторженный заголовок.

Как так? Более десятка бродвейских театров пустует. Английский импорт вытеснил со сцен все отечественное. Неравнодушный к бедам общества драма загнана на задворки — и... «самый счастливый сезон»?

Самый денежный, уточняет газета. В кассы набжалов на три миллиона долларов больше, чем в предыдущий год. Здесь знают только одну формулу: успех — деньги.

— А кого-нибудь у нас волнует, в какую дыру проваливается, куда идет Бродвей? — спрашивает Джозеф Папп. — Никому до этого дела нет...

Естественно. Главное, чтобы Бродвей добрал до банка.